

Поэт Владимир ВИШНЕВСКИЙ:

«У меня почему-то имидж Казановы»

Окончание. Начало на стр. 1

Мы живем в мире, где есть люди и движения, как опасные стихии. Умные люди стараются не вступать с ними в конфликт, это все равно, что вернуться от удара стихийных сил природы. Мне кажется, что религиозные фанатики, как и целые религии, являются объективной реальностью. Даже будучи приверженцем демократии и свободы слова, нужно это учитывать. Не надо дразнить гусей. Правда, многое на нашей российской почве получается пародийным. Я имею в виду закрытие волгоградскими властями своей городской газеты. Это просто позор.

С другой стороны, хочу внести позитив: наши люди иногда подают пример западному обществу своей чрезмерной осторожностью. Западный мир со своими либерально-гуманитарными ценностями бывает догматичен. Та же Америка уже хлебнула от своей политкорректности и еще – увя – хлебнет.

– Политики между собой говорят о политике, музыканты о музыке. А о чем говорят, встречаясь, поэты?

– Как ни странно, мы все еще говорим о поэзии. Читая мемуары, можно встретить: «В полночь мне позвонил Маяковский». Это так здорово, что есть люди, с которыми можно созвониться и поговорить о стихах. Я могу позвонить, например, Алексею Дидурову, которого в чем-то считаю своим учителем, и проверить на нем строку – не фальшивит ли у меня слух. И его одобрение для меня драгоценно. Это большая прижизненная привилегия – созвониться с поэтом и, как водится, сказать: «Старик, послушай, я написал нечто гениальное». Конечно, профессиональный круг сегодня сжался. Вот в 1999 году я согласился поехать на некарасовский праздник поэзии в Карабаху...

– Это там, где вы пожертвовали деньги на музей Некрасова?

– Я просто выступил с концертом в его пользу, но это было через полгода. А тогда три поэта – Тимур Кибиров, Юрий Кублановский и я – оказались там вместе. Мы провели два потрясающих дня в штатном по Ярославлю, в потреблении красного вина на берегу Которосли, в экспромтах и цитатах. Мы создали то, что я называю «шедеврами общения». Когда рано утром с вполне понятными ощущениями мы были отвозимы на вокзал и проезжали мимо местного цирка, то увидели афишу «Говорящие слоны и попугаи». Кибиров сказал: «Нет, мне с утра нельзя такие тексты читать». Мы так счастливо хохотали. Каждый из нас до сих пор помнит эти дни.

– Ахматова говорила про Пушкина как про близкого знакомого. У вас нет чего-то похожего?

– Нет, такое чувство у меня отсутствует. Ощущения всемирного диалога в веках у меня нет. Я с почтением отношусь к классикам.

– Есть ли в прошлом поэты, с которыми вам хотелось бы пообщаться?

– С Блоком. Я был буквально болен им. Это он, помимо «шестидесятников», сподвиг меня на стихосложение. Он и сегодня представляется мне самым божественно-загадочным поэтом. Хорошо написал Ходасевич в своем «Некрополе»: «Блок жил как поэт и умер как поэт, когда не смог жить дальше».

– У вас есть муза?

– У меня почему-то имидж некоего Казановы, который в свободном парении занимается поиском женщин. Это не так. У меня есть любимая женщина, по счастью, жена, но это не исключает того, что я могу впечатлиться кем угодно. Этой свободой нас, пиитов, никто не лишит.

Вот вы спросили про музу, а я подумал: как пообещало и устарело это понятие! Я-то всегда позиционировал себя как поэта, который воспекает все еще разнополую любовь. «Благосклонное внимание женщин – почти единственная причина всех наших усилий», – говорил Пушкин. А вообще стало расхожей шуткой утвержде-



АЛЕКСАНДР ЯНОВ

Владимир ВИШНЕВСКИЙ – поэт, получивший широкую известность как автор иронических одностиший. Родился 20 августа 1953 года в Москве в семье инженера-ракетчика. После школы пытался поступать в Литературный институт, но провалился, поэтому окончил литературный факультет Московского областного педагогического института имени Крупской. После института год отслужил солдатом в Советской Армии в Ленинке. С 1981 года – профессиональный литератор. Автор книг «Басни о Родине», «Избранное», «Десять лет, которые, или Страна из рук в руки» и других. Действительный член Российской академии юмора, лауреат профессиональной премии «Золотой Остап».

ние, что **мы** уже в меньшинстве при сегодняшней экспансии гей-культуры.

– Насколько вы искренни в своей поэзии или иронии? Чего больше у вас – желания понравиться публике или сказать, что хотели?

– Здесь опять-таки некоторое противоречие. Если ты выходишь выступать «на люди», то ты обязан понравиться публике. Я выступал в разных аудиториях – и в камерных, и в эзотерических... Публика все чувствует – и зависимость, и независимость, которую тоже может оценить. Я уверен: если ты добровольно вышел к публике, то должен удовлетворить ее, то есть иметь успех. А если его нет – переживай его отсутствие. Я говорю откровенно: никогда ничего не писал для публичного исполнения. Просто для сцены выбираю то, а не иное. Возможность говорить то, что я думаю, у меня пока есть. Другое дело – что оставят на экране? Сейчас на каналах появилась не просто цензура, а самоцензура, так, на всякий случай, на упреждение...

Кстати, Евгения Петросяна есть за что уважать. Он занимается историей юмора, он честно выходит на сцену для того, чтобы рассмешить людей, он хороший организатор и отец своим артистам. Это я объективно говорю.

– А вам смешно от того, что показывает Петросян?

– Ну, не особо смешно, но пусть все это радуется публику. Я сам веду на одном из каналов программу «Парк юмора». Если говорить о ней, то мы стараемся показывать качественный юмор и стильно его подавать. Другое дело, насколько это у нас получается. Выбор, к сожалению, не очень большой, но это счастье, когда удастся найти в архивах раннего Хазанова или нерастира-

жированного Жванецкого, а то и просто показать классику и для ликбеза напомнить о Райкине.

– Слышал, что вы создали какое-то свое дело.

– С некоторых пор, оставаясь по определению одиноким поэтом, который несет ответственность за свои книги и стихи, я еще зажил командной жизнью, став президентом творческой структуры «Шоу Вишневого сада». Этой компании я отдал свое имя как бренд. Мы предлагаем большой комплекс услуг (непривычно звучит) – от креативных до сценарно-постановочных, от больших шоу до корпоративных капутников и мультипликации.

– Вы дружны с Евтушенко и с Вознесенским. Можете сказать, чье из них благословение вам дороже?

– Мне повезло, что я имел роковую удачу возрасть в пору культа поэзии «шестидесятников». Именно Евтушенко и Вознесенский «совратили» меня поэзией. Они явили мне, советскому школьнику, пример того, что может дать мужчине занятие поэзией. Это, на мой тогдашний наивный взгляд, любовь женщин, благосостояние, поездки за границу и – слава, слава. Я желал славы, мною двигало мальчишеское или еврейское честолюбие, и такой пример мне подали именно Вознесенский и Евтушенко. Именно благодаря им крепло ощущение, кем должен быть настоящий мужчина. Уже потом я прочитал у Лорки: «Самая горькая участь на земле – быть поэтом».

Долго «работора» молодым поэтом, я мечтал, чтобы меня узнали и оценили Вознесенский и Евтушенко. А когда вроде бы пробился и «успокоился», то, как сказал тот же Дидуров, «Все будет, стоит только расхотеть». Евтушенко поначалу сердито приглядывался ко мне, но в результате включил в свою антологию «Строфы века» мои лирические стихи.

Но сегодня мне, например, неприятно видеть, как некоторые фигуры и деятели, пережившие пик своей славы, склонны интересничать и прогибаться перед молодыми и модными людьми. Еще смешнее, когда последних начинают направо-налево называть «культовыми». Таковыми назначить сегодня могут кого угодно. Куда ни войдешь – везде уже четыре «культовых», семь «сакральных» и восемь «знаковых» сидят и закусывают.

Правда, я и сам иногда ловлю себя на этой совковой слабости, порыве, потому что начинает тревожить, что отстаю от жизни, выпадаю из рейтинговых обоев. Четыре года назад в день рождения я сочинил: «Чего б себе я скромно пожелал? Не надоесть бы ни себе, ни миру. Чтб я всех вас не так заколебал, как Ким Чен Ир российских пассажиров».

Двадцатка лучших миниатюр Вишневого (версия «НИ»)

1. Я любил ее по-своему, и она меня, по-моему...
2. Нет времени на медленные танцы.
3. Давно я не лежал в колонном зале...
4. О, как внезапно кончился диван!...
5. ...И женщина, как буря, улеглась...
6. Любимая, да ты и собеседник?!
7. Ты мне роди, а я перезвоню!..
8. Исход семитов не всегда летальный...
9. Такие люди недостойны, чтоб им с мобильного звонить...
10. Спасибо мне, что есть я у тебя!..
11. Не так я вас любил, как вы стонали...
12. Любви моей не ополшай согласьем...
13. Года берут свое, есть результаты: уж нету сил ходить на порносайты...
14. Постыдно не вписаться в писсуар...
15. Ну сделай что-нибудь, хотя бы деньги!..
16. Про эхо знаем мы не понаслышке!.. (обрыв)
17. Здесь нестабильно даже ухудшение...
18. Ну что, мне снова киллерам звонить?..
19. О, сколько ты мне, гордость, позволяла...
20. Как подло отменяют электрички...